

УДК 811.112.2

ГОЛЯКОВА Любовь Алексеевна.,
доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Пермь, Россия
lanaschust@mail.ru

GOLYAKOVA Ljubov' Alekseevna,
PhD. in Philology, Professor at the Chair of German Philology. Letters, Perm city Russia
lanaschust@mail.ru

ШУСТОВА Светлана Викторовна,
доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермь, Россия
lanaschust@mail.ru

SHUSTOVA Svetlana Viktorovna,
PhD in Philology, Professor at the Chair of Conceptual and Applied Linguistics, Perm city Russia
lanaschust@mail.ru

АВТОРСКИЙ КОД Е.РУГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «IN ZEITEN DES ABNEHMENDEN LICHTS»)

THE E. RUGE'S AUTHOR'S ENCODING (STUDY OF THE NOVEL «IN ZEITEN DES ABNEHMENDEN LICHTS»)

В статье исследуются средства актуализации подтекста художественного произведения на примере романа Е.Руге «In Zeiten des abnehmenden Lichts» путем анализа авторского кода, изучение которого позволяет выявить и описать специфику восприятия и моделирования автором реального мира.

This paper explored the means capable of bringing to light an implied meaning of the fiction piece, with the novel «In Zeiten des abnehmenden Lichts» by E. Ruge taken for instance. Exploring the author's encoding made it affordable to elicit and describe the author's unique way of perceiving actuality and shaping it with words.

Ключевые слова: авторский код, подтекст, роман Е.Руге «In Zeiten des abnehmenden Lichts», деформации, макроконтекст, знак.

Keywords: author's encoding, underlying message, novel «In Zeiten des Abnehmenden Lichts» by E. Ruge, deformation, macro-context, symbol.

Аутентичность, истинность художественного высказывания является одной из важнейших проблем литературы XX в., обнаруживающей противоречия и несогласованность между языком и моделированием невыразимости опыта реальности, внутренних переживаний человека, которые не имеют адекватного выражения. Отсюда следует, что задачей писателя является необходимость выйти за пределы обусловленного, стереотипного, традиционного повествования и создать свой личностно-индивидуальный язык [1, с. 231, 238, 245, 248], свой авторский код. Последний в данном случае рассматривается комплексно, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, и вслед за Е.А. Баженовой определяется как набор значимых единиц и правил их соединения для передачи сообщения, которое свидетельствует о целенаправленной работе автора над языком его произведений, а также об особенностях его личности [2, с. 420].

Талант писателя во многом определяется его способностью передавать глубину познанной им реальности в специфических формах искусства. Одну из таких форм представляют собой деформации, языковые преобразования фонетического, морфологического, синтаксического и лексического уровней, которые проявляются в отступлении от литературной нормы, от стандартного использования языковых средств и свидетельствуют о специфике выражения скрытого смысла, подтекста как показателя индивидуального авторского кода, как знака определенного времени, эпохи.

«Сегодня является бесспорным фактом то, что знаковая репрезентация представляет собой форму объективации реального мира...» [3, с. 312], а индивидуальное и личностное опосредуется эпохой.

Конец XX и начало XXI в. свидетельствуют о небывалом проявлении самых примитивных человеческих инстинктов и потребностей, о стремлении большинства людей к комфорту и благополучию, о редуцировании духовной сущности человека, плененной материей, о забвении «высших духовных ориентиров и измерений» [4, с. 5, 6, 7, 8].

Поскольку язык есть непосредственное отражение нашего бытия во всей его сложности и противоречивости, то именно исследование авторского кода позволяет постичь специфику восприятия и моделирования автором реального мира. В связи с этим значимым представляется анализ романа Е. Руге «In Zeiten des abnehmenden Lichts», эпохального произведения, автобиографического, семейного повествования, охватывающего период времени с 1952 г. до нового тысячелетия (2001 г.). В нем представлено жизнеописание четырех поколений одной семьи, а действие происходит в самых разных странах – в Мексике, России, ГДР и современной Германии. На различных этапах своей жизни каждый персонаж переживает взлеты и падения, страдания и скорби, счастливый восторг, оптимистические надежды и горький опыт ошибок,

заблуждений, разочарований, утраты иллюзий. *Времена не выбирают, но во временах каждый избирает свой путь.*

Особенностью романа Е. Руге является отклонение от общего информативного фона, отсутствие хронологической последовательности событий, о которых повествует автор, что нарушает традиционную логику высказывания. Авторский замысел концентрируется главным образом на личности персонажей, мотивах их поступков, душевном состоянии, а следовательно, прагматически направлен на стимулирование читательской активности, на формирование отношения читателя к изображаемому, на декодирование им подтекста. Последний является свидетельством того, что через специально организованную автором систему языковых средств первичной номинации, его авторского кода постигается интенция адресанта, свидетельствующая о его мировоззренческой позиции, а также о его устремленности воздействовать на читательское восприятие.

Сразу после выхода в свет в 2011 г. роман стал бестселлером, получил высокую оценку критиков, и в том же году Е. Руге стал обладателем Немецкой литературной премии (der deutsche Buchpreis). Автор произведения считает, что сложную реальность, трудные характеры членов его семьи невозможно выразить обычными средствами языка, поэтому он использует свой авторский код, включающий подтекст, рассчитывая на сотворчество читателя.

Рамки данной статьи не позволяют дать более или менее подробный анализ всего «безбрежного» романа, поэтому основное внимание будет уделено центральному персонажу Александру и его русской бабушке по материнской линии Надежде Ивановне (бабе Наде), в образах которых, как думается, наиболее ярко воплощается идея, концепция автора.

Александр – сын Курта немецкого коммуниста, который бежал из нацистской Германии в Советский Союз в надежде найти там прибежище. Однако он был осужден за антисоветскую пропаганду и провел десять лет в лагерях и пять лет жил на поселении. После этого он женился на русской, Ирине, и позднее с четырехгодовалым Сашей они уехали в Германию.

Заглавие романа (*In Zeiten des abnehmenden Lichts*), которое выступает важнейшим ориентиром, придает направленность всему сложному процессу декодирования произведения, упоминается автором в тексте один раз в качестве варьирующегося повтора, когда он описывает светлое восприятие Надеждой Ивановной пейзажа Германии, куда она переехала к дочери, и ее воспоминания о России:

Draußen war es hell, als sie aufsaß, so hell, dass es wehtat. Die Birken leuchteten gelb, ein warmer Herbst dieses Jahr, gut für die Ernte, dachte Nadeshda Iwanowna.

Эта пейзажная зарисовка наводит ее на мысль о родных местах: *In Slawa wurden jetzt die Kartoffeln gemacht, die ersten Feuer rauchten schon, das Kartoffelkraut brannte, und wenn erst mal das Kartoffelkraut brannte, dann war sie gekommen, unwiderrufflich: die Zeit des abnehmenden Lichts.*

Наиболее существенными для поэтапного декодирования концептуальной информации текста являются двукратные повторы слова *hell* и предикативной единицы *das Kartoffelkraut brannte*, которые противопоставлены словосочетанию *die Zeit des abnehmende Lichts*. Эта лейтмотивная оппозиция, структурированная по принципу контраста, стимулирует и направляет читателя на декодирование подтекста. Важную роль при этом играет слово *unwiderrufflich*, вынесенное автором за рамки предикативной единицы *dann war sie gekommen*, выделенное запятой как знаком разделительной паузы для читательского размышления.

Дополнительную семантическую нагрузку получает и двоеточие как прием графического (паралингвистического) оформления текста, который выдвигает в данном контексте важное, означенное в заглавии выражение в рематическую позицию с акцентом на существительном *die Zeit* в единственном числе. Спокойное, плавное течение синтаксиса обеспечивает повествованию мягкий лирический фон.

Отмеченное выше свидетельствует о ярко выраженной специфике авторского кода Е. Руге, в котором благодаря заданному характеру связей языковых единиц происходит их содержательное преобразование в гибкий динамический знак с новым, скрытым смыслом. Отсюда следует, что Е. Руге структурирует текст как комплексную многоуровневую данность, как вербальный стимул для поиска и актуализации читателем подтекста.

Базой интерпретации и обнаружения скрытого смысла в указанном контексте служит концептуальная система адресата как система взаимосвязанной информации о самых разных аспектах познания и осмысления реальности на всех возможных уровнях [5, с. 383–387].

В приведенном выше фрагменте текста указанная комбинаторика языковых знаков не только передает фактуальную информацию, но и позволяет читателю синтезировать подтекст. В отличие от заглавия форма единственного числа *die Zeit*, лексическая единица *unwiderrufflich*, а также двукратный повтор предикативной единицы *das Kartoffelkraut brannte* позволяют сде-

лать вывод о том, что время убывающего света – это не подлежащая отмене, неотвратимая, неизбежная, неизменная, неподвластная человеческой волеустремленности реальность, ежегодный диктат вечности. Он означает регулярную смену времен года, когда длинные солнечные летние дни сокращаются, и наступает осень – время убывающего света.

Необходимо заметить, что слово *свет* многомерно. Оно может использоваться иносказательно для выражения душевного состояния человека, которое, как известно, не является константным.

Мелодичный рисунок следующих друг за другом синтаксических конструкций, структурированных по принципу синтаксического параллелизма, в сочетании с двукратным лексическим повтором *hell*, лексическими единицами *leuchten*, *warm*, *gut* создают неповторимую комбинацию языковых средств, ритмически организованных автором как специфическое средство воздействия на читателя, вызывают в нем положительные эмоции, создают ярко, зримо, физически ощутимую изобразительность. Иными словами, форма становится значимой, наполненной глубоким подтекстом не только иррационального, но и рационального свойства. У читателя постепенно формируется внушаемое ему автором уважение к Надежде Ивановне, человеку с мирной душой, добродетельной и благородной, излучающей свет, который вовлекает адресата в созерцание собственного внутреннего мира, его таинственной глубины.

Важное значение для понимания образа Надежды Ивановны имеют функционально - едино направленные, дистантно перекликающиеся языковые единицы макроконтраста, накапливающие подтекстовое содержание, восполняющие недоговоренное: *schwere Arbeit; sie hatte genug Heu gemäht in ihrem Leben; im September kamen dann die Kartoffeln; stundenlang in gebückter Haltung gestanden und ihre Gurkenbeete besorgt hatte; die alten Knochen; sie beklagte sich nicht; achtundsiebzig war sie; das war der Weg..., der Weg, der kein Ende nahm; kaputte Füße; grobe, abgenutzte Kartoffelhand; die furchterregenden Adern, die auf dem Handrücken hervortraten; die schrumpelige Haut an den Knöcheln; die von kleinen und großen Verletzungen aufgeworfenen Nägel; die Narben und Poren und Falten und die von Hunderten Linien durchfurchte Handfläche.*

Указанные языковые знаки актуализируют в сознании читателя подтекст, свидетельствующий о том, какую неимоверно трудную жизнь прожила Надежда Ивановна за свои семьдесят восемь лет. Однако никакие земные бедствия не способны поколебать ее высокую, благородную душу, ее красоту и гармонию.

Надежду Ивановну не прельщает цивилизованная Германия с ее педантичным порядком (*alles geordnet; leicht war das Leben in Deutschland, leicht war es*). Ее утомляет трескучая немецкая речь, что усиленно подчеркивается автором многократным повтором (*die schnarrenden Deutschlaute*) на фоне ее спокойных раздумий о родной Славе, где она жила раньше, и горячего желания вновь туда вернуться в привычный образ жизни с его спокойным укладом и там обрести вечный покой (*Und dann würde sie sterben, ganz einfach. Dort in der Heimat würde sie sterben, dort wollte sie begraben sein, wie denn anders, ein Glück*).

Комбинаторика разноуровневых языковых знаков – лексического повтора *dort*, усиленного словом *Heimat*, варьирующегося повтора синтаксического параллелизма *würde sie sterben*, а также модальной конструкции с тематически близким слову *sterben* языковым знаком *begraben* – становится специфическим средством авторского воздействия на читателя, вызывает у него сочувствие и восхищение цельным характером Надежды Ивановны, ее душевной непоколебимостью, миром и светом ее души, не меркнушем ни при каких обстоятельствах.

В своем романе Е. Руге убедительно показывает источник силы Надежды Ивановны – это ее глубокая вера, ее религиозность. Она дает ей настрой жить по библейским заповедям, неизменным повелениям Бога, обращенным к душе человека: творить добро, любить, не причинять никому зла, следуя призыву Иисуса: «Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» [6, с. 12, 46].

Как истинно православный человек Надежда Ивановна посещает церковь, постится, исповедуется в своих прегрешениях. Ее речь и мироощущение пронизаны любовью к Богу и человеку. Рассеянные по всему роману языковые единицы, усиленные избыточными повторами, отобранные и систематизированные автором по принципу функциональной единоподчиненности, оказываются важнейшим средством повышения информативности текста, создают чувственно-конкретный образ русской женщины, существенный для понимания концептуальной информации произведения, понимания системы ценностей автора:

Gott hat es nun mal so bestimmt; Gott bewahre; auf Gottes Erde; gib Gott; wenn es auch Sünde gewesen war; sie bat Gott um Vergebung; dann hätten sie sich vor Gott und der Kirche getraut; zur Kirche ging, also zur Orthodoxe; eine Kerze stiften; wenn ... und sie vor der Kirche saß; wenn sie

als Kind vor der Kirche saß; wie Jesus am Kreuz; Gott sei dank; Gott sei mit dir, mein Sohn; Bogh s toboju, synok; Bogh s toboju.

Смысловая концентрация указанной цепочки языковых знаков, объединенных общим референтным признаком и отражающих индивидуальный взгляд писателя, оказывает глубокое воздействие на читателя и позволяет усмотреть глубинный пласт рационального подтекста – без любви, сердечности и веры человек черствеет, перестает ощущать радость бытия и верить в лучшее. Именно жизнь по вере способствует исцелению и преображению души.

Не может остаться незамеченным и такой яркий языковой сигнал, как имена героини романа и ее сестер – Вера, Надежда, Любовь, о котором автор напоминает дважды в дистантных контекстах: *Vera u Любовь hatten nicht mal die zwanzig erreicht; Ljubow war die schönste gewesen; aber Vera die Sanfteste..., gottesfürchtig und still.* Обе были зверски убиты. Осталась только Надежда.

Таким образом, моделируя художественный текст, Е Руге производит отбор тех явлений действительности, которые соответствуют его замыслу и на основе которых формируется его авторский код. В приведенных выше фрагментах текста автор кодирует подтекст, который в сознании читателя актуализируется как авторский угол зрения на современную реальность, как скрытый лейтмотив повествования, как гимн духовности.

Каждый человек испытывает на всех этапах своей жизни определенные трудности, кризисные моменты. Однако, несмотря ни на что, он должен сохранять свое достоинство, учиться духовной азбуке, жить по библейским заповедям, нравственно совершенствоваться.

В наше время этот призыв особенно актуален, поскольку сейчас идет процесс «духовно-го регресса». «...техническая эпоха похитила у нас космическую гармонию, не дав взамен чего-то сопоставимого», она обусловила «забвение высших духовных ориентиров и измерений, привела к созданию однопорядкового, унылого и унифицированного мира [7, с. 5,8].

Важным для более глубокого осознания описанной выше ситуации является анализ центрального образа романа – Александра. Он был воспитан в атеистической семье (*atheistisch erzogen*), где все желания родителей были устремлены на материальное обеспечение близких, обретение высокого социального статуса, престижа, где нравственные устои не являлись приоритетными. В семье царили ложь, обман, высокомерие, грубость. Отец (Курт), который в свое время писал жене (Ирине) любвеобильные письма (*liebe, liebste Irina, meine Sonne, mein Leben, meine geliebte Frau, mein Freund, meine Gefährtin*), вождельно обращал внимание на других женщин и изменял ей (*Der auch mit fünfundfünfzig noch nicht zur Ruhe kam, immer noch nach anderen Weibern schaute; Eine Stunde später lag Kurt rücklings auf Veras Bett*). Он эгоистически подчинял членов семьи своему распорядку дня научного работника (*Für diesen Meter Wissenschaft hatte Kurt dreißig Jahre geschuftet, dreißig Jahre lang die Familie terrorisiert*), педантично заботясь о своем здоровье (*Kurt kaute zweiunddreißig Mal, wie der Internist es ihm geraten hatte*), воспитывая сына окриком (*Ach, schrie Kurt; ja, schrie Kurt; Kurt... schrie es nocheinmal*). В конце своей жизни Курт впал в состояние старческого маразма.

Ирина страстно любила сына (*Der einzige Lichtblick heute: dass Sascha zum Mittag kam; Ach, Saschenka, sagte Irina; Schön war es, einen so großen Sohn zu haben – der immer noch noch wie ein Kleinkind*), баловала его, отдавала все силы благоустройству и благополучию в доме (*Unbedingt diese Tür, dieses Holz, dieses Rot sein musste; ...verpulverte sie bei alldem mehr Geld, als sie verdiente; Jetzt brauchte sie noch ein Auto*). Католическое Рождество семья праздновала с невообразимым количеством всевозможных яств. И вместе с тем Ирина в душе презирала мужа (*Um nichts in der Welt hätte sie damals... geglaubt, dass dieser Halunke einmal ihr Mann werden würde; friss Klöße*), высокомерно, грубо вела себя с подругами сына (*Fass mich nicht an, du Aas!*), с матерью (*Fluchen konnte Irina noch immer nur russisch; Irinas Blick... fiel auf Nadeshda Iwanowna: Auch du wirst heute Weihnachtsgans essen*). Умерла Ирина от алкоголизма (*die Frau trinkt; Sie soll weniger trinken; War trotzdem kein Grund zu trinken; wenn sie ihre krächzenden Wysozki – Kassetten hörte und sich allmählich betrank*).

В связи с этим на память приходят слова из Библии. Мудрое сердце соблюдает заповеди, знает время и устав, не испытывает зла. «Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло» [8, с. 8, 5, 11] и попадает в сферу гаснущего света.

Энергетика семьи передалась и Александру: *Ein intelligenter, aufgeschlossener Junge, aber so wie er erzogen wurde, war sein Unglück vorhersehbar*. Создавая образ этого персонажа, структурируя соответствующие тематические цепочки, автор выбирает наиболее существенные для воплощения своего замысла ключевые слова и приемы, свидетельствующие о его творческой манере, характере миромоделирования, его стремлении адекватно выразить дух эпохи и обеспечить должное воздействие на читателя, вызывая в нем не только неодобрение тех или

иных поступков действующих лиц произведения, но и сочувствие, участливое отношение к бедам других.

Рассредоточенные по всему роману разноуровневые языковые единицы, характеризующие Александра в различные периоды его жизни, а также такие приемы кодирования рационального и иррационального подтекста, как парцелляция, лексические и синтаксические повторы, нарушение порядка слов, создающие определенный ритм, авторские неологизмы, стилистическая градация лексики в сочетании с паралингвистическими средствами (многоточие, тире, знак вопроса, восклицания, круглые скобки, графическое выделение отдельных слов и предложений) позволяют автору объективировать скрытую информацию, которую синтезирует концептуальная система адресата: *: die großen, gebogenen Wimpern; die schwer dressierten Locken; die schwarzen Locken; jene Zigeuner locken; sein Gesicht vornehm blass; er hatte sich die Koteletten kurz abrasiert, wie es jetzt Mode war; in seinem Lammfellmantel sah er aus wie ein russischer Fürst; seine ungewohnt weiten Jeans und das schicke Jackett ... ließen ihn irgendwie reifer, gesetzter erscheinen; ein so gut aussehender, intelligenter junger Mann; Deine Mutter besorgt dir die Wohnung! Dein Vater bezahlt deine Autoversicherung ...; unzuverlässig und arrogant; schrie Sascha; schrie Sascha zurück; Du, schrie Sascha; Sascha blieb stehen, schrie jetzt fast; Aber seine lasche Haltung, seine Faulheit, sein Desinteresse für alles; der Junge war intelligent, keine Frage, aber irgendwas fehlte ihm; dass sie, wie Sascha auch, an der Humboldt-Universität studierte; Alexander hasste sie plötzlich; Hatte unbestimmte Anzahl Frauen gevögelt (deren Namen er nicht mehr zusammenbrachte); Dass Sascha Melitta betrog; Ich kann mein Leben nicht nach dem Seelenfrieden meiner Mutter ausrichten; Hatte dieser alte, pedantische Hund, hatte diese Maschine Kurt Umnitzer es fertiggebracht zu lieben? Irgendwann war ihm der Gedanke gekommen: Kurt umzubringen. Er hatte Varianten durchgespielt; die beiden... waren... auf die Kanarischen Inseln geflogen; Er hatte zehn oder zwölf oder fünfzehn Theaterstücke inszeniert... War in Spanien, Italien, Holland, Amerika, Schweden, Ägypten gewesen; über Paris, wo sie neulich gewesen waren, das ihnen aber weniger gefallen hatte als London; Sascha stieg aus einem großen silbergrauen Auto; Markus ... hätte seinen Vater berühren können ... Aber sein Vater ging an ihm vorbei, ohne ihn zu bemerken.*

Сконцентрированные в одной тематической цепочке языковые средства позволяют читателю создать в своем сознании образ обеспеченного, благополучного человека с четким социальным статусом, который идет по жизни легко, победоносно, получая всевозможные блага и удовольствия, причиняя другим боль и страдания, не обременяя себя никакими обязательствами.

И вдруг все обрывается, сорокасемилетнему Александру объявлен страшный приговор – рак. Для него наступает полоса меркнувшего света, период горького покаяния, переоценки ценностей, время усмирения «не в меру разыгравшейся, разбаловавшейся и переставшей слушаться разума плоти» [9, с. 262], время гнева Божия за несправедный образ жизни, за нарушение Его заповедей.

Создавая образ Александра, Е. Руге демонстрирует высшую степень свободы языкового употребления. Наряду с перечисленными выше приемами кодирования подтекста он использует монтаж личных воспоминаний героя, которые рассыпаны по всему пространству текста и не представляют собой логически последовательной цепочки. Они выстроены по принципу контраста (*свет / отсутствие света – мрак, тьма*) как лейтмотивной доминанты композиции и требуют определенных усилий читателя для единонаправленного синтеза отдельных скрытых смыслов.

На фактуальном уровне можно выделить следующие тематические группы:

- Диагноз. Сомнения.
- Покаяние. Самоидентификация.
- Желание бороться за свою жизнь.

Первая тематическая группа включает следующие языковые единицы: *der Patient; Klinikum; nicht operabel* (3 повтора); *als er ihm etwas von den T-Zellen erzählte, die ihn langsam umbringen würden; War das sein Krebs?; dass seine Diagnose ein Irrtum sei; von gefährlicher Melancholie; Abschiedsschmerz; eine fast schmerzhaft Sehnsucht; Solange man keinen Krebs hatte; Nein, sie hatten sich nicht geirrt; Es war klar: Non-Hodgkin - Lymphom, langsam wachsender Typ. Gegen das es ... bis heute keine wirksame Therapie gebe; Und was, wenn sie sich geirrt hatten? Wer sagt, dass ich Krebs habe?*

Указанные языковые знаки, системно взаимодействующие в своей дистантной комбинаторике, не только передают информацию фактуального уровня. Они синтезируют подтекст, формируя в концептуальной системе адресата образ Александра в переломный момент

его жизни, в период жесточайшего испытания – осознания своей обреченности. Его не покидают мрачные мысли о неизбежной предопределенности, с одной стороны, и робкая светлая надежда, что диагноз ошибочен – с другой.

Внутренние переживания Александра передаются и читателю, вызывают его сочувствие, что является прагматической установкой автора.

Перечисленные далее языковые знаки составляют вторую тематическую цепочку функционально единых единиц:

Warum war er eigentlich nicht imstande, Marion zu lieben?; dass ich, als du greifbar nah warst, so fahrlässig mit alledem umgegangen bin; Einerseits zieht es mich zu dir, um nachzuhelfen, was ich zu geben versäumt habe; Dass ich das, was ich mir eingebrockt habe, nur allein auslösfeln sollte; Es ist die logische, die zwingende Konsequenz seines Lebens; Es gab nichts herauszuschneiden, nichts zu lokalisieren. Es kam aus ihm selbst, aus seinem Immunsystem. Nein, es war sein Immunsystem. Es war er selbst. Er selbst war die Krankheit; Er ist betrogen worden, sein Leben lang; In Wirklichkeit ist alles Betrug (6 повторов), und die Wahrheit ist: Er ist ein blöder, schwerfälliger Weißer (6 повторов), den man ausnehmen muss – was denn sonst? Weil ich mich ausgeschlossen fühle? Weil ich das Gefühl habe nicht dazuzugehören? Aber ich habe immer, mein Leben lang, das Gefühl gehabt, nicht dazuzugehören; Ich will nicht mein Leben lang lügen müssen; Einfach weggehen. Sich losreißen aus dieser kranken, krankmachenden Welt...; aber auch hier scheint die Luft wie mit Wehmut getränkt; wie ein begossener Pudel (2 повтора) steht er vor dem alten Mann; Er merkt, dass ihm Tränen über die Wangen laufen; Die Tränen trocknen auf seinen Wangen; Alexander wird ... zu Tränen gerührt sein; Besteht seine Sünde im Hochmut?; Besteht sie darin, dass er tatsächlich geglaubt hat, nun ein für alle Mal und gegen allesgefeit zu sein? Oder besteht sie darin, dies alles irgendwann verdrängt und verleugnet zu haben? Ist es Reue, was ihm abverlangt wird? Soll er lernen, die Botschaft endlich anzuerkennen? Den Namen zu nennen, der den beiden Schweizerinnen so leicht über die Lippen geht?

Эти индексальные и иконические знаки оказывают глубокое суггестивное воздействие на воображение читателя, побуждая его почувствовать и пережить сформулированное таким образом художественное содержание и усмотреть в нем глубокий пласт рационального и иррационального подтекста: как сильно страдает Александр, оценивая свой пройденный путь. А уничижительная самоидентификация, горькие слезы и спасительная печаль (многократный повтор слова *tröstlich* в тексте) являются важнейшим приемом воздействия на невербальный интеллект читателя, средством создания особой изобразительности. Они возбуждают чувство глубокой печали, сочувствия, а также наводят на раздумье о собственном образе жизни. Читатель слышит скрытый призыв автора к познанию себя как началу духовного преображения.

Третья тематическая группа представлена следующей цепочкой языковых знаков:

Egal, was es war, egal, wo es war, man würde es herausschneiden, und er würde kämpfen, so hatte er gedacht, um dieses Leben; Er vermeidet es, nach den Lymphknoten zu tasten, er vermeidet alles, was ihn ankratzen, was ihn aus der Bahn werfen könnte; Die Chancen auf ein möglichst langes Überleben steigen, wenn Patienten für eine gesunde Lebensweise sorgen; er könne vielleicht operabel werden, wie Kurt, wenn er dessen Lebensstil imitierte; Er wird eine andere Fassung verlangen, denkt er, er wird doch, verdammt nochmal, das Recht haben, seinen Film (Lebensfilm) selber zu schneiden, denkt er, und beißt die Zähne zusammen; es geht steil bergauf, immer bergauf; Erkauft den Hut, um gegen die ihm anerzogenen Prinzipien zu verstoßen. Er kauft ihn, um gegen seinen Vater zu verstoßen. Er kauft ihn, um gegen sein ganzes Leben zu verstoßen; Oder der Moment der Erleuchtung? Dass Sascha neuerdings in der Bibel las. Dass er sogar irgendwie, so hatte Melitta behauptet, an Gott glaube...; Melitta zufolge geht er neuerdings in die Kirche; Auf den Heiligen Geist, sagte Sascha.

Перечисленные языковые сигналы, рассыпанные по всему тексту, взаимодействуют единовременно, позволяют читателю синтезировать, дополнять, обобщать отдельные смыслы, накапливать подтекстовое содержание, выстраивать определенную семантическую гипотезу.

Корреляция концептуальной системы адресата с контекстом позволяет ему сформулировать внушаемую ему автором мысль о том, что Александр полон решимости и готов использовать все возможности, чтобы вступить на путь духовного возрождения, внутреннего обновления, строить жизнь на началах самоограничения и покаяния.

Его обращение к Библии, по-видимому, позволило ему осознать его горький опыт падений в бездну порока, который ввергнул его в полосу гаснущего света; признать свою болезнь, свою скорбь «праведным воздаянием за грехи наши и справедливым наказанием за них» [10, с. 351]; узреть то, «что сокрыто в Божественных писаниях»: «от заповедей рождаются добродетели» [11, с. 76, 77].

Очевидно, Александр начал постигать таинственный смысл Священного Писания, недоступный рациональному познанию, и для него значимыми стали слова – «хотя я упал, но встану; хотя я во мраке, но Господь – свет для меня» [12, с. 7, 8]. И это внушает читателю мысль, что Александр преодолеет все трудности во времена гаснущего света.

Итак, прочитана последняя строка романа. Читатель вновь обращается к его заглавию. Пройдя в сознании адресата через макроконтекст всего произведения, включаясь в сложное взаимодействие семантических, эмоциональных и оценочных над линейных связей, заглавие содержательно трансформируется, становится семантически осложненным знаком. Он обретает символический смысл, выражает вечное противостояние добра и зла, света и тьмы, придает повествованию онтологический статус. Заглавие является не просто знаком определенного явления, оно вводит в другую сферу бытия – духовный мир, сверхчувственную, трансцендентную реальность, недоступную опытному познанию, учит чувствовать метафизику бытия. И в рамках всего макроконтекста заглавие является имплицитным призывом автора неустанно познавать себя и, просвещаясь, возрождаться духовно, учиться чувствовать огромную, таинственную глубину мироздания и устремляться к Божественному Свету, преодолевая во все времена кризисные периоды своей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Рымарь Н.Т.* Проблема аутентичного слова: лирический язык прозы Вольфганга Борхерта // Русская германистика. Т.1.– М.: Языки славянской культуры, 2004.– С. 233–249.
2. *Баженова Е.А.* Стилистика кодирования // Стилистический энциклопедический словарь русского языка.– М.: Флинта; Наука, 2006.– С. 420.
3. *Беляева М.В.* Нулевая единица – средство языкового кода при формировании текстуальности в устном дискурсе // Русская германистика. Т.8.– М.: Языки славянской культуры, 2011.– С. 312–317.
4. *Кийченко К.И.* Социокультурные вызовы на излете эпохи модерна // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.– Вып. 1 (13).– 2013.– С. 5–9.
5. *Павилёнис Р.И.* Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов: сб. ст.: Переводы.– М.: Прогресс, 1986.– Вып. 17.– С. 380–388.
6. Евангелие от Иоанна. 12, 46 // Библия. Новый завет. Британское Библейское общество. Издательство пастора Б. Геце за границей, 1939.– С. 109–140.
7. *Кийченко К.И.* Указ. соч.–С. 5–9.
8. Книга Екклесиаста, или Проповедника. 8, 5, 11 // Библия. Ветхий Завет. Британское Библейское общество. Изд-во пастора Б. Геце за границей, 1939.– С. 644–652.
9. *Епископ Варнава(Беляев).* Основы искусства святости. Собрание сочинений в 4-х т. Т.2.– Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997.– 460 с.
10. *Святитель Игнатий(Брянчанинов).* Собр. соч. в 7 т. Т.1. Аскетические опыты.– М.: Благовест, 2001.– 672 с.
11. *Епископ Варнава(Беляев).* Указ соч. Т.1.– Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1996.– 478 с.
12. Книга пророка Михея. 7,8 // Библия. Ветхий Завет. Британское Библейское общество. Издательство пастора Б. Геце за границей, 1939.– С. 866–871.

ИСТОЧНИК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ruge E. In Zeiten des abnehmenden Lichts. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. – 430 p.

REFERENCES

1. Rymar N.T. The problem of an authentic word: the lyric language of Wolfgang Borhert 's prose [Problema autentichnogo slova: lirichesky yazyk prozy Volfganga Borherta]. Russkaya germanistika – Russian Germanic philology . Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kutury – Languages of Slavic culture, 2004, pp. 233-249. (in Russ).
2. Bazhenova E.A. Stylistics of coding [Stilistika kodirovaniya]. Stilistichesky entsiklopedichesky slovar russkogo yazyka – Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. Moscow: Flinta, Nauka – Science, 2006. P. 420. (in Russ).
3. Belyaeva M.V. The null unit – a means of a language code for textual formation in an oral discourse [Nulevaya edinita – sredstvo yazykovogo koda pri formirovani tekstualnosti v ustnom diskurse]. Russkaya germanistika – Russian Germanic philology . Vol. 8. Moscow: Yazyki slavyanskoy kutury – Languages of Slavic culture, 2011, pp. 312-317. (in Russ).
4. Kiychenko K.I. Socio-cultural challenges befor the very end of the epoch of modern [Sotsiokulturnye vyzovy na izlyote epokhi moderna]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. – Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology. No. 1(13). 2013, pp. 5-9. (In Russ).

5. Pavilionis R.I. Understanding of speech and philosophy of language (in lieu of a postface) [Ponimanie rechi i filosofiya yazyka (vmesto poslesloviya)]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriya rechevyk aktov: Perevody – The new in foreign linguistics. Theory of speech acts: Translations.* Moscow: Progress, 1986. No. 17. Pp. 380-388. (in Russ).
6. Gospel of John [Evangelie ot Ioanna]. Bible. New Testament. British Bible Society. Pastor B. Getze 's Publishing house overseas, 1939. Pp. 109-140. (in Russ).
7. Kiychenko K.I. Socio-cultural challenges befor the very end of the epoch of modern [Sotsiokulturnye vyzovy na izlyote epokhi moderna]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. – Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology.* No. 1(13). 2013, pp. 5-9. (In Russ).
8. Ecclesiastes [Kniga Ekklesiasta ili Propovednika]. 8, 5, 11. Bible. Old Testament. British Bible Society. Pastor B. Getze 's Publishing house overseas, 1939. Pp. 644-652 . (in Russ).
9. Bishop Barnabas (Belyaev). The basics of saintship [Osnovy iskusstva svyatosti]. Collected works in 4 volumes. Vol. 2. Nizhny Novgorod: Izdanie Bratstva vo imya svatogo knyaza Aleksandra Nevskogo, 1997. 460 p. (in Russ).
10. Holy Hierarch Ignatius (Brenchaninov). Collected works in 7 volumes. Vol. 1. Ascetic practices [Asketicheskie opyty]. Moscow: Blagovest, 2001. 672 p. (in Russ).
11. Bishop Barnabas (Belyaev). The basics of saintship [Osnovy iskusstva svyatosti]. Collected works in 4 volumes. Vol. 1. Nizhny Novgorod: Izdanie Bratstva vo imya svatogo knyaza Aleksandra Nevskogo, 1996. 478 p. (in Russ).
12. Book of Micah [Kniga Proroka Mikheya] 7,8. Bible. Old Testament. British Bible Society. Pastor B. Getze 's Publishing house overseas, 1939. Pp. 866-871. (in Russ).

SOURCE OF FICTION

Ruge E. In *Zeiten des abnehmenden Lichts.* Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. 430 S.

Информация об авторе

Голякова Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь Россия
lanaschust@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Получена: 28.10.14

Information about the author

Golyakova Ljubov' Alekseevna, PhD. in Philology, Professor at the Chair of German Philology/ Letters, *Perm State National Research University,*
Perm city Russia
lanaschust@mail.ru

Shustova Svetlana Viktorovna, PhD in Philology, Professor at the Chair of Conceptual and Applied Linguistics, *Perm State National Research University,*

Perm city Russia

Received: 28.10.14